

ИВАННА

Про Нину

Нина Ивановна сколько себя помнила, всегда была довольна собой. Ей нравилась ее внешность, хоть и не блещущая особой красотой, но милovidная, сразу к себе располагающая. Чистенькая, казалось, только что умытая, волосок к волоску, и ни один не торчит, не выбивается из гладкой прически, с аккуратными ушками, бровками, обычными серыми глазками, но так по-доброму взиравшими на мир, что у всех рядом с ней возникало чувство равновесия, исчезали недовольства и претензии к жизни и друг к другу. Рядом с ней другим становилось спокойнее. И она сама всегда была в ладу с собой. На детских утренниках, а потом на молодежных тусовках и престижных корпоративах Нина никогда не бывала в одиночестве, не подпирала стенки без кавалеров. Она рано поняла, что яркая красота и острый ум, индивидуальность напрягают окружающих, пугают особенно мужчин, вызывают мысли о собственном несовершенстве, а с Ниной, Ниночкой, Ниной Ивановной каждый чувствовал себя умным, нужным, полезным. И выслушать она умела и дать полезный совет, и молча посочувствовать, а главное, она умела это ценить в самой себе и себе радоваться. Редкий дар!

– Ой, как хорошо, что наконец пошел снег... – слышали от нее домочадцы поутру.

Или:

– Мороз пришел... Шубу можно надеть, хорошо!

– Дождик, значит, к теплу, к хорошей погоде.

Сварит себе геркулес поутру и не преминет сказать: «Ой, как вкусно!»

Всё будет хорошо – не думая и не затрудняясь в доказательствах, утешала она уволенного по сокращению штата сослуживца, заболевшую подругу, брошенную мужем жену... И ведь верили ей, и утешались, успокаивались. И была она всем в помощь и в радость. Нина Ивановна служила зримым и нечасто встречающимся подтверждением, что счастливым бывает лишь тот, кто умеет радоваться незамысловатому, самому простому, чьи претензии и ожидания совпадают с собственными возможностями, у кого нет разрыва между желаниями с реальными ресурсами, попросту – кто хочет не больше того, что может.

Нина и карьеру делала, может, для кого-то скромную и малоэффективную, но последовательную, упорную и для себя успешную. Выпускница педагогического училища, учительница начальных классов по диплому, она застала хоть и последние советские годы, но успела побывать на комсомольской работе, а оттуда попасть – «на кадры», то есть едва ли не на самое важное по тем временам занятие. Отдел кадров в 80-е годы, где брали на работу и увольняли, был святая святых среди всех других служб, а с Ниночкиным умением располагать к себе людей, с ее способностью выслушивать, уговаривать, гасить конфликты, улыбаться, она стала специалистом-кадровиком незаменимым.

Парадокс, но, как бы поделикатней, ну, как минимум со скромной образованностью и почти при полном отсутствии специальных профессиональных знаний она вдруг на пике перестроечных перемен и новых времен оказалась сначала заместителем директора, а потом... и директором театра, являя собой очевидный знак наступившей эпохи, когда опять же понадобились не столько знающие, сколько удобные, сговорчивые, безоговорочно довольные собой и всем окружающим руководители. Нина Ивановна замечательно совпала с пришедшим временем, оказалась в нужном месте в нужный час.

Она еще была хороша тем, что не знала над собой власти страстей. Бывали у нее мужья, мужчины, но и романы, и семья, и вообще личная жизнь как-то всегда были на задворках главных событий и интересов.

Ее космос оказался в уютном театральном кабинетике, всегда пахнущем кофе, куда никогда не зарастала «народная» тропа, который был полон чужих забот, тревог, радостей и невзгод и где в полном единении с самой собой, в сознании абсолютной самодостаточности жила Иванна. Чистенькая, умытая, улыбчивая, кажется, нестареющая, только как-то незаметно-незаметно, но переставшая быть Ниночкой, Ниной, а потом даже и Ниной Ивановной, хоть официально она так называлась: директор театра Нина Ивановна Никонова, а ставшая в просторечье просто Ивановной...

Чем меньше она понимала в профессии, в которой оказалась, тем легче было руководить: для нее не было талантливых и бездарных, ей все нравились одинаково. Не попал, оказался не нужен Иван Иванович при очередном распределении ролей в новом спектакле, пришел к ней пожаловаться – она, конечно, попросила режиссера назначить того на роль во второй состав. Постарела бывшая героиня, подкрасим ее, оденем понаряднее, и еще как сыграет. Проблем-то!

Никогда не маялась она лишними проблемами. И всегда была довольна жизнью. Счастливая! А коллектив, которым она руководила, разительно отличался от других таких же, по-творчески всегда «больных» особенными амбициями и самолюбиями, эмоциональной возбудимостью и нетерпимостью друг к другу. «Террариум единомышленников»... «сукины дети»... против кого вы сейчас дружите?..» Так

всегда острял про творческие коллективы. Нет, там, где была Иванна, хотя бы внешне все было спокойно и благополучно: Тихо, тихо, тихо, не волнуйтесь, всё сейчас порешаем, говорила она и – решала. Из её театра и жалобы не шли в вышестоящие инстанции и – боже сохрани! – коллективные письма, сор из избы не выносили. Жили спокойно, мирно.

Но вот однажды...

Театр, которым Иванна тихо, скромно и замечательно бесконфликтно руководила, поехал на гастроли в Волгоград. Это еще в 80-е, когда в местной центральной гостинице поутру появлялись «аборигены» с пол-литровыми банками черной икры и всучивали ее приезжим, по нынешним понятиям, задаром, а те потом жаловались друг другу: ничего-то у меня нет в холодильнике, кроме икры, жрать нечего! И еще были, подумать только, каменный век! – обкомы партии... Директор, как водится, выехала раньше других: обеспечить гостиницы для приезжающих, проверить помещение для выступлений, обеспечить рекламу и продажу билетов, наладить контакт с местным советским и партийным начальством – обычные административные хлопоты! И надо ж такому случиться – поднимаясь в лифте в свой гостиничный номер, всего-то семь этажей... что могло бы произойти? – Нина Ивановна вдруг остро почувствовала, что она не одна, и резко, дискомфортно ощутила присутствие рядом мужчины, его смешанные резкие запахи табака, туалетной воды... пота... Вроде бы никогда прежде не ощущаемый ею запах плоти. Её как жаром обдало. И совсем уж немислимое, чего и в молодости-то с ней не бывало: напряглись и словно зажали отдельной от хозяйки жизнью груди, жаром заполыхало где-то в паху, между ног... Почему-то вверх потянулась рука, взъерошила волосы, как бывало с ней лишь в моменты особенного волнения. Тогда подруги говорили про нее: повело!.. Но чтобы «повело» ее от одного лишь присутствия рядом мужчины, такого она про себя не помнила. Нина Ивановна в мгновение была выбита из привычной жизненной колеи и беспощадно брошена в какое-то новое неведомое ей измерение, в мир беспокойства, тревоги, страха. Она подняла вверх глаза, нависший над ней мужчина показался ей огромным, заполнившим собой всю кабинку лифта, да чего там – всю её вселенную! И еще – безумным красавцем... Может, он и не был на самом деле красавцем, но ей показался античным богом, Аполлоном... Блондин, точеный профиль, чувственные губы... Длинные ноги, и она сама рядом с ним на уровне середины его голубого батника, какой по тогдашним дефицитам был верхом элегантности.

– Вам на какой этаж? – спросил её мужской голос – труба небесная... контрабас... саксофон... не человеческий голос. Глас!

– На седьмой, – прошелестела она.

– Значит, и мне тоже на седьмой, – услышала порозовевшая и замершая от происшедших с ней перемен Ниночка.

И почему-то на седьмом этаже они вышли вместе. И двинулись в одну сторону. И вошли в один и тот же номер – ее... двое незнакомцев, не успевших узнать имена друг друга, мужчина и женщина. Тут же бросились лихорадочно сдирать с себя, друг с друга вдруг оказавшиеся ненужными вещи; по углам полетели её платье, его джинсы и голубой батник, аккуратный чинный гостиничный номер превратился в разрушенное, сданное врагу, искореженное беспорядком пространство, а на смятой кровати два сплетенных, не могущих оторваться друг от друга тела, слившихся в одно и не способных снова разделиться.

– Ты кто? – чуть придя в себя, отдышавшись от очередного сотрясения спросила Ниночка.

– Я вообще-то в филармонии работаю администратором. А сейчас приезжий театр меня нанял билеты им продавать, уполномоченным по распространению. Лёня Дегтярев я. Женат... Две дочери-близняшки... двадцать семь мне... – словно отчитываясь и преодолевая охватившее смущение, представился молодой красавец.

– Да?. А я – Иванна... Ниночка, поправились, Нина Ивановна... Директор приезжего театра.

Было поздно вспоминать о важном для любого начальника правиле – не крутить романы с подчиненными и едва ли не еще более для Ниночкиного покоя важном – не связываться с мужчинами намного моложе себя. В безрассудной страсти, охватившей двоих, было не до выяснения отношений, тем более не до заполнения анкет. Не забыть бы, как его зовут – почему-то мелькнула и тут же исчезла в ней одна только мысль. Да и зачем ей было помнить его имя?! Только одно: не уходи! Могучий первобытный инстинкт, заставлявший орать на крышах мартовских котов, запрыгивать друг на друга собак в любое время, в любом месте, совершенно равнодушных к присутствию окружающих, в мгновения подчинил себе всегда покойную и разумную Ниночку. Не уходи, исступленно повторяла она, и ничего другого, кроме восторга абсолютного подчинения, счастья слияния и неразделенности, полной нерассуждающей свободы, она не ощущала. Какие там доводы разума, мысли?.. Если бы она способна была о чем-либо думать, она бы прежде всего поразила себя самой, впервые за целую жизнь ей было всё равно, как она выглядит, не растрепались ли волосы, не пахнет ли дурно изо рта. Она не помнила себя, ее теперь словно и не было, была только неодоушевленная частичка плоти его – ее, общей, единой, нерасторжимой, бездумно счастливой. И все, что было потом, меньше всего расчленилось на вопросы-ответы «надо – не надо», доводы разума и необходимости; только – где он? когда придет? И он приходил каждую ночь, а все остальное было лишь ожиданием его.

Конечно, в театре тут же заметили перемены, новости про то, кто с кем живет, распространяются в творческих коллективах мгновенно. Не успела Нина Ивановна сказать на ресепшен: на четвертый этаж, где был ее люкс, никого из работников театра не селить, кроме Дегтярева (ясно, что он должен был теперь жить не дома, а с ней рядом), как сарафанное радио от одного к другому, от рабочего сцены до заслуженного артиста сделали информацию народным достоянием. Удивительно, но внезапный роман Нины Ивановны как-то даже не вызвал сплетен и пересудов, скорей напугал всех. Сослуживцы притихли и старались друг с другом происходящее не обсуждать. Помолодевшая счастливая Иванна летала по театру, и всё-то у нее спорилось, получалось: в залах аншлаги, пресса спектакли хвалит, артисты довольны, телевидение купило у них четыре спектакля для показа... По итогам получалось, что не один, два плана по всем цифрам и по доходам они сделают. Все происходило теперь по щучьему велению, без ее директорского участия. Она в облаках летала, ей было ни до кого, кроме... Лёни Дегтярева. А уж отказа теперь тем более никто и ни в чем от Ивановны не получал. Даже водители, которые привычно появлялись в ее номере по утрам с классическим требованием: клапана стучат, – это значит, они должны были по негласной таксе получить сотку на неотложный ремонт, теперь не слышали в ответ тоже неизменного Ниночкиного: «А не часто ли

они у вас стучат?» – вместо этого сразу же получали требуемое, лишь бы ушли поскорее. И вороватый замдиректора, который никак не мог получить от нее подпись на оплату счетов за рекламу, – она всё требовала от него: «Покажи мне эти щиты», а он всё увиливал, – теперь тоже безропотно получил желанную подпись и деньги. Нового счастья, переполюнявшего Ивану, хватало на всех окружающих.

Иванна, превратившаяся снова в Ниночку, словно и не видела посетителей, текущих дел и забот. Она ждала Лёню Дегтярева.

А тут однажды – одиннадцать, двенадцать, час ночи... и дверь открытая, не заперта, и посетители все отхлынули, и дела вроде все решились, и седьмой этаж весь затих... а его всё нет! Телефон не отвечает. Вестей от него никаких... Иванна лежала одна, поперек, на своей огромной кровати и... отчаянно редела. Она даже позвонила, разбудила считавшуюся умной и опытной в контактах с мужчинами подругу-артистку, и та сидела теперь рядом и успокаивала: «Ну куда он денется? Не измылится, придет».

Иванне почему-то в голову не приходило, что с ним могло что-нибудь случиться... Он, конечно же, с бабой, с другой, с молодой и красивой. Жена в происходящих с ней событиях почему-то никогда не участвовала, в расчет не принималась. Вот бог ее, видно, и наказал. Она отняла, у нее отняли... Иванна рыдала по-настоящему, слезами, которые, по ее наблюдениям, давно из нее вообще не текли, а тут – откуда что взялось! И ресницы потекли по лицу, размазались. Увидела себя в зеркале, ужаснулась. Утром повесим на дверях объявление, пыталась шутить и уговорить подругу артистка, здесь плачет одинокая женщина. Найдутся желающие утешить. Откуда слез столько в Ниночке накопилось? Лились и лились. Измученная и измучив подругу, страдальца лишь к утру уснула. А поутру, конечно же, – опять вдруг! Ниночка, Нина Ивановна, Иванна проснулась тихая, спокойная и... счастливая. Беспокойство, ночное безумие, истерика вслед за ночью исчезли. Ей уже было всё равно, где Дегтярев. Как рукой сняло. Сглаз, колдовство прошли. Кризис разрядился температурой в 40 градусов, беспомощностью, но и... закончился. Как бывает с сильной простудой.

Леня Дегтярев, конечно же, пришел... Куда он денется? Явился не запыхавшись. Сказал, как ни в чем не бывало: доброе утро!

Умиротворенная, спокойная Нина Ивановна, лучезарно улыбаясь, приняла у уполномоченного по распространению билетов очередной отчет по продажам, поговорила с ним о предстоящих делах, отпустила, сказала: «Свободен». Он не сразу почувствовал перемены. Но новые нотки в голосе услышал. Посмотрел на нее с удивлением. Она явно отпускала его не до ночи. Насовсем. И, не зная, как по-новому вести себя, не посмел заговорить об их общем, ночном, личном, принял новые ее условия. Улыбнулся. Простился. Вышел.

А Ниночка снова была довольна собой. Как же хорошо, что я не разучилась плакать, что я еще способна плакать из-за мужчины, что я живу, волнуюсь, страдаю. Значит, жива моя душа, думала она. И Бог помнит обо мне, грешной, и посылает мне новые переживания. И они мне по силам. Отмоюсь. Покаюсь. Какой же она была мастерицей других утешать, и на себя хватало! Болезнь прошла, Иванна снова радовалась. И была счастлива. Нет, все-таки лучше жить без счастья, если за него надо платить переживаниями и потрясениями.

ХОРОШИЙ ДЕНЬ

Про Татьяну

Сегодняшний день обещал быть удачным. С утра, вставляя голые ноги в старые тапочки, Татьяна вдруг увидела на покрывающем пол ковре в спальне чуть поблескивающую маленькую сережку. Нашлась! Черт поиграл-поиграл и вернул. Играл долго. Года два, наверное. Татьяна считала, что потеряла ее навсегда. Хорошо, что другую от пары сережку не выкинула. Хранила старую молнию, один от потерянной пары носок – вдруг пригодятся! И пригождались. Юбка вышла из моды, шерстяная кофта от стирки села – Татьяна их все равно в дальний угол засовывала. На всякий случай. Всегда ругала себя за это. А вот сегодня похвалила. Хороший день!

Она вообще никогда ничего не выкидывала, к вещам привязывалась. Это у нее было от бабушки, а у той – от военного детства, Татьяне досталось генетически. По исчезнувшей сережке скучала, иногда вынимала оставшуюся, рассматривала крошечные золоченые цветочки на серебре, такие умели делать только в Великом Устюге, там она их когда-то и купила. Путешествие на Вологодчину было незабываемым на всю жизнь: маленький белоснежный Кремль, полуразрушенное Феррапонтово с потемневшими ликами Дионисия, храм и двор Кирилло-Белозерского монастыря, самого большого в России наряду с Соловками и Сергиев-Посадской лаврой. На память она там купила местную достопримечательность, сережки с колечком. Нет, сегодняшний день, отмеченный возвращением любимых, обязательно будет счастливым. Ведь сколько раз убирались в спальне, пылесосили – не было тут сережки. А вот пришла.

Татьяна с каждой вещью в доме общалась, разговаривала. У них, как и у нее, бывали разные настроения, дурное и радостное, свои отношения. Людей в доме не было, кошек, собак не было, а цветы, вещи разговаривали. Однажды ни с того ни с сего на подоконнике упал один из цветочных горшков, Татьяна поняла – требует полить пощедрее, а лучше пересадить... Или кухонная полка с грохотом упала, но ничего не разбилось, значит, иди, Татьяна, к мужу на кладбище, навести его, он соскучился. В Рождество она вернулась со службы из храма, а на стене под дочкиным портретом – слеза стеариновая, хотя никаких свечей нет поблизости, они в храме были. Оказалось, это был знак, предупреждение – через месяц дочка, молодой и красивой, не стало, инфаркт...

А сегодняшний день обязательно будет хорошим. И кофе сегодня не убежало. Каждое утро, хоть Татьяна и стояла рядом, она обязательно прокарауливала его, потом приходилось плитку тереть, сегодня же все было правильно. В честь хорошего дня Татьяна решила принарядиться,

шубу новую надеть; не пропадать же добру! Недавно купила. А то она как-то заметила, если пожилой человек, значит, обязательно на нем длинная до пят норковая шуба, землю подметает. Недавно была в санатории, первый раз в качестве пенсионерки, так там все в одинаково длинных норках, и кошек кормят, теперь это была для нее картина старости! Зачем новое покупать? Старого носить-не переносить... В знак протеста купила себе Татьяна шубку, маленькую, коротенькую, как молодежь носит. Молодит! Татьяна недавно стала пенсионеркой и очень радовалась свободному времени и возможности, как она говорила, пожить для себя...

Устрою-ка я себе Татьянин день – решила она. Ничего-то у нее сейчас не болело. Две любимые сережки в ушах. Коротенькая модная шубка. Из стриженной норки, да еще волком отороченная. Никто и не подумает, что я еще совсем недавно на стройке вкалывала... Возьму и мороженое сейчас для полного счастья на улице съем! Хотя, если уж совсем быть с собой честной, то больше всего она любила ездить по Москве... на трамвае. Чем маршрут длиннее и едет трамвай медленней, тем лучше! А тут она услышала, что снова пустили от Подбельки до Белорусского вокзала 7-й маршрут. Надо проехать, посмотреть! 40 минут туда, 40 минут обратно – красота! Лучше, чем на такси...

Совершенно-новому стало на старой Тверской заставе, уютный старый писатель Максим Горький посерединке, говорят, это он революцию устраивал (никогда не подумаешь, мирный человек с усами), и вокруг – машины, трамваи, люди, ей теперь надолго хватит в глазах этой толпы. Вышла из трамвая, решила продлить удовольствие – еще на автобусе по Тверской для разнообразия проехать. Вернулась снова на трамвай, теперь уже до дома. Проехала мимо новой мечети. Какую огромную отгрохали! Соседка по сиденью сказала, что здесь лучшую в городе баранину продают. Где бы еще так хорошо поговорили, как в трамвае... Она сказала, что не будет за Грудина голосовать, он миллионер и олигарх... А продукты, сказала, дешевле всего в «Дикси» покупать... А в парк «Сокольники» по-прежнему пожилые на танцы ходят... Трамвай – источник знаний!

Татьяна сегодня целый день жила и радовалась. Еще у Белорусского объявление увидела, в Римини тур предлагают автобусный на неделю всего-то за 14 тысяч. Только надо паспорт заграничный сделать. А деньги сэкономить, накопить можно... Конечно, дни бывали всякие, и плохие тоже: поясница болела, давление до двухсот прыгало... Но сегодня-то все было хорошо! Однова живем! А вечером опять про Джигарханяна показывали. И старую жену показали и молодую. Конечно, молодая лучше, правильно, что квартиры оттяпала, плати, старик, за молодую... Хорошо прошел день. Каждый бы день так!